

Е.П. Блаватская

ПАМЯТЬ ПРИ УМИРАНИИ

В одном очень старом письме Учителя, написанном много лет назад члену Теософского общества, мы находим такие наводящие на размышление элементы ментального состояния умирающего человека:

В последний момент вся жизнь целиком отражается в нашем сознании и всплывает из всех забытых закоулков и уголков, картина за картиной, одно событие за другим. Умиравший мозг встряхивает память сильным толчком, и память правдиво восстанавливает каждое впечатление запечатленное в ней во время активной работы мозга. То впечатление и мысль, которые были самыми сильными, естественно становятся наиболее живыми и, можно сказать, переживают все остальные, которые исчезают навсегда, но вновь появляются в Девахане. Никто не умирает в состоянии умопомрачения или бессознательности, как утверждают некоторые физиологи. Даже сумасшедший или человек в припадке белой горячки имеют вспышку полной просветленности в момент смерти, хотя они и не могут сказать об этом тем, кто находится рядом. Часто кажется, что человек мертв. Но после прекращения пульса, в период между последним ударом сердца и моментом, когда последняя капля животного тепла покидает сердце, *мозг думает* и Эго живет, и в эти несколько коротких секунд вся жизнь человека проходит перед ним. Говорите шепотом, те, кто стоит у постели умирающего и находится в молчаливом присутствии Смерти. Особенно надо хранить спокойствие сразу после того, как Смерть положила на тело свою холодную руку. Говорите шепотом, повторяю я, иначе вы нарушите спокойное течение мысли и воспрепятствуете тому, чтобы Прошлое оставило свое отражение на покрывале Будущего...

Против этого утверждения неоднократно энергично выступали материалисты; было заявлено, что биология и (научная) психология -- обе они против этой идеи; и хотя психология не имеет убедительных данных подняться до этой *гипотезы*, биология отрицает саму идею как пустой "предрассудок". Тем не менее, даже биология подвержена прогрессу, и вот что мы можем извлечь из ее последних достижений. Д-р Ферре сообщил недавно Биологическому обществу в Париже очень интересное наблюдение о менальном состоянии умирающего человека, которое удивительным образом подтверждает вышеприведенную точку зрения. Поскольку речь идет о таком специфическом явлении, как воспоминание о жизни и внезапном появлении на чистых стенках памяти "картины за картиной", возникающих из "уголков и закоулков", долгое время находившихся в забвении, д-р Ферре специально привлекает внимание к этому явлению.

Достаточно отметить лишь два из довольно большого количества примеров, приведенных этим ученым в его "Докладе", чтобы показать, как корректны в научном отношении учения, которые мы получаем от наших восточных Учителей.

Первый пример -- это умирающий от чахотки человек, болезнь которого развилась вследствие поражения спинного мозга. Сознание уже покинуло его, когда, возвращенный к жизни двумя последовательными инъекциями эфира, больной слегка поднял голову и начал быстро говорить по-фламандски,-- на языке, которого не понимали ни окружающие его, ни он сам. Получив карандаш и кусок белой бумаги, он с большой скоростью написал несколько строк на этом языке,-- и очень правильно, как это было установлено позже,-- а затем упал на спину и умер. После перевода оказалось, что написанное им относится к очень прозаическому событию. Он писал, что внезапно вспомнил о том, что он должен

какому-то человеку 15 франков с 1868 года -- то есть более 20 лет -- и хотел бы, чтобы эти деньги были заплачены.

Но почему он написал свое последнее желание на фламандском? Родиной покойного был Антверпен, но он покинул эту страну в детстве, не зная этого языка, и провел всю свою жизнь в Париже, умея говорить и писать только по-французски. Очевидно, его возвратившееся сознание, эта последняя вспышка памяти, которая представила перед ним всю его жизнь, как в ретроспективной панораме, и даже столь пустяковый факт, как то, что он одолжил у своего друга 20 лет назад 15 франков,-- все это появилось не из одного *физического* ума, а скорее из его духовной памяти, из *высшего Эго* (манаса перерождающейся личности). Тот факт, что он писал и говорил по-фламандски, то есть на языке, который он мог слышать лишь в те времена, когда сам еще не мог говорить, является еще одним доказательством. ЭГО *обладает полным всеведением по своей бессмертной природе*. Ибо все это в действительности не более, чем "последняя степень и как бы тень существования", как говорит нам Равайссон, член Французского Института.

Теперь о втором случае.

Другой больной, умирая от туберкулеза легких, сходным образом приведенный в чувство инъекцией эфира, повернул голову по направлению к своей жене и быстро сказал ей: "Ты не сможешь теперь найти эту булавку; весь пол был заменен с тех пор". Это было связано с потерей булавки для шарфа 18 лет назад,-- фактом столь ничтожным, что он был почти полностью забыт, но тем не менее ему удалось ожить в последней мысли умирающего человека, выразившего словами то, что он увидел, после чего он внезапно замолчал и его дыхание оборвалось. Таким образом, любое из тысячи мелких ежедневных событий и происшествий, случившихся в течение жизни, могут возникнуть в мерцающем сознании в наивысший момент его распада. Долгая жизнь, прожитая, по-видимому, еще раз за одну короткую секунду!

Можно упомянуть третий случай, который еще лучше подтверждает то утверждение оккультизма, которое приписывает все такие воспоминания мысленной силе индивидуума, а не личного (низшего) Эго. Молодая девушка, которая ходила во сне вплоть до своих 22-х лет, во время сомнамбулического сна занималась разнообразной домашней работой, о чем она совершенно не помнила после пробуждения.

Среди других психических импульсов, которые проявлялись только во время сна, была одна скрытая тенденция, совершенно не свойственная ей в бодрствующем состоянии. Во время бодрствования она была открытой и чистосердечной, и мало заботилась о том, что ей принадлежит; но в сомнамбулическом состоянии она могла брать предметы, принадлежащие ей или просто находящиеся около нее, и прятать их с большим мастерством. Поскольку эта привычка была хорошо известна ее друзьям и родственникам, и двум сиделкам, следившим за ее действиями во время ночных прогулок в течение многих лет, то ничего не пропадало или легко могло быть возвращено на положенное место. Но однажды в душную ночь сиделка заснула; девушка встала и отправилась в кабинет отца. Ее отец, знаменитый нотариус, работал этой ночью допоздна. Сомнамбула вошла в тот момент, когда отец ненадолго вышел из комнаты; она не спеша завладела завещанием, лежавшим на столе, а также суммой в несколько тысяч фунтов в бонах и банкнотах. Она спрятала их внутри двух фальшивых колонн, стоявших в библиотеке наряду с настоящими, прокралась из кабинета прежде, чем вернулся ее отец, и добралась до своей комнаты и кровати, не разбудив сиделку, все еще спавшую в кресле.

В результате, поскольку сиделка решительно отрицала, что ее молодая хозяйка покидала комнату, подозрение с нее было снято, а деньги так и пропали. Однако потеря завещания повлекла за собой судебный процесс, который почти полностью разорил ее отца и совершенно разрушил его репутацию, так что семья попала в очень бедственное положение. Через девять лет девушка, которая в предшествующие семь лет уже не была сомнамбулой, заболела чахоткой и в конце концов умерла от нее. На смертном одре покрывало, висящее перед ее физической памятью, поднялось, пробудилась ее божественная интуиция; картины ее жизни стремительно пронеслись перед ее внутренним взором, и среди прочих она увидела сцену своего сомнамбулического воровства. Внезапно она пробудилась от летаргического сна, в котором пребывала несколько часов, на ее лице появились следы ужасного переживания, и она закричала: "Ох! Что же я наделала?.. Ведь это я взяла завещание и деньги... Поищите в фальшивых колоннах в библиотеке, я..." Она не закончила своей фразы, потому что ее собственные эмоции убили ее. Но тем не менее поиски были проведены, и было найдено завещание и деньги внутри дубовых колонн, как она и сказала. Однако, этот случай оказался весьма странным потому, что колонны были столь высоки, что даже встав на стул и имея в своем распоряжении больше времени, чем несколько минут, сомнамбула не смогла бы дотянуться до пустых колонн и бросить вещи в них. Можно отметить, однако, что люди в экстатическом и конвульсивном состоянии (см. *Convulsionnaires de St. Medard et de Morizine*), вероятно, могут с необычайной легкостью взбираться на глухие стены и даже перепрыгивать через вершины деревьев.

Если мы примем эти факты, то не вынуждают ли они поверить в то, что сомнамбула обладает своего рода интеллектом и памятью в их грубом проявлении на физическом уровне бодрствующего низшего Эго; и что эта сомнамбула заявляет о себе *in articulo mortis* [на смертном одре], когда тело и физические чувства личности перестают функционировать и ум, перед тем как полностью улетучиться, перебирает в сознании вереницу психических, а затем и духовных переживаний? А почему бы нет? Даже материалистическая наука начинает признавать в психологии многие факты, которые не могли быть приняты двадцать лет назад. "Истинное существование -- жизнь, по сравнению с которой всякая другая жизнь лишь бледный набросок или эскиз -- это существование души",-- говорит Равайссон. О том, что обычные люди называют "душой", мы говорим как о "перерождающемся Эго". "Быть -- это значит жить, а жить -- это значит хотеть и думать",-- говорит один французский ученый.* Но, если физический мозг действительно является более ограниченным, чем область, в которой возникают мгновенные вспышки неограниченной и бесконечной мысли, можно сказать, что ни воля, ни мысль не могут быть созданы *внутри* него, и непроходимая пропасть между материей и сознанием признается даже в соответствии с материалистической наукой Тиндалем и многими другими. Факт заключается в том, что человеческий мозг -- это просто канал между двумя плоскостями -- психо-спиритуальной и материальной; и по этому каналу распространяется каждая абстрактная и метафизическая идея из манасического сознания -- вниз, к низшей форме человеческого сознания. Поэтому идеи о бесконечном и асолютном не находятся и не могут находиться внутри *нашего* мозга. Они могут отражаться правдиво лишь нашим духовным сознанием, и оттуда в ослабленном виде проецируются на плоскости нашего восприятия в этом плане. Так, хотя из нашей памяти часто исчезают даже очень важные события, никакой даже самый ничтожный поступок в нашей жизни не может исчезнуть из памяти "души", поскольку для нее это не ПАМЯТЬ, но постоянно присутствующая реальность в той плоскости, которая находится вне наших представлений о пространстве и времени. "Человек есть мерило всех вещей",-- сказал Аристотель; и конечно он не имел ввиду человека, состоящего из мяса, костей и мускулов!

Лучше всего из всех глубоких мыслителей выразил эту идею Эдгар Квине, автор "Творения". Говоря о человеке, полном чувств и мыслей, которые он либо вообще не осознает, либо ощущает как туманные и смутные впечатления, он показывает, что человек реализует лишь малую часть своего духовного существа. "Мысли, которые мы создаем, но не можем определить и сформулировать, изгоняясь, находят убежище в самой глубине нашего существа"... Постоянно преследуемые нашей волей, "они отступают перед ней все дальше и глубже -- кто знает, куда -- в самые фибры души, где они сохраняют свою власть и влияют на нас так, что мы этого не замечаем..."

Да, они становятся невоспринимаемыми и недостижимыми для нас, также как колебания звука и света, выходящие за пределы нашего восприятия. Невидимые и неуловимые, они, тем не менее, работают, и таким образом лежат в основе наших будущих действий и мыслей, приобретая власть над нами, хотя мы, возможно, никогда не думаем о них и часто игнорируем само их наличие. Нигде Квине, крупный исследователь природы, не кажется более правым в своих наблюдениях, чем тогда, когда он говорит о тайнах, которыми мы все окружены: "Тайнами не земли или неба, а тайнами, содержащимися внутри наших костей, в клетках нашего мозга, в наших нервах и волокнах. Нет никакой нужды в том",-- говорит он,-- "чтобы в поисках неведомого забираться в мир звезд, поскольку именно здесь, около нас и *в нас самих*, есть столько недостижимого. Как наша земля состоит большей частью из невоспринимаемых сущностей, которые в действительности и образуют ее континенты, так же и человек".

Истинно так, хотя человек является пучком темных, им самим неосознаваемых, ощущений, неопределенных чувств и неправильно понятых эмоций, забытых воспоминаний и знания, которое становится на поверхности этого плана -- *неведением*. Все же, хотя физическая память у здорового человека часто затемнена, и более сильные воспоминания вытесняют более слабые,-- в момент великого изменения, которое человек называет смертью, то, что мы называем "памятью", по-видимому, возвращается к нам во всей своей силе и свежести.

Не может ли это быть связано просто с тем фактом, как об этом только что было сказано, что по крайней мере на несколько секунд обе наши памяти (а скорее, два состояния сознания, высшее и низшее) соединяются вместе и образуют, таким образом, одно, и что умирающий человек оказывается в плоскости, где нет ни прошлого, ни будущего, но лишь одно настоящее? Как мы знаем, память сильнее всего проявляется в отношении наиболее ранних ассоциаций, возникающих тогда, когда будущий человек является всего лишь ребенком, и в нем больше души, чем тела; и если память -- это часть нашей души, тогда она необходимым образом должна быть вечной, как сказал где-то Теккерей. Ученые отрицают это; мы, теософы, утверждаем, что это так. Они обосновывают свои взгляды лишь отрицательными доказательствами; мы же, напротив, имеем в нашу поддержку многочисленные факты такого рода, как те, что содержались в трех вышеизложенных случаях. Звенья цепи причин и следствий, связанных с разумом, являются *terra incognita* и останутся таковыми навсегда для материалистов. Ибо если они уже приобрели глубокое убеждение в том, что, как говорит А. Поп:

До времени забытые в бесконечных закоулках мозга
Звенья наших мыслей сплетаются в единую
невидимую цепь...

-- и все еще неспособны обнаружить эти цепи, то как же они могут надеяться раскрыть тайны высшего, духовного, Разума!

"Люцифер", октябрь 1889.

* "Курс лекций о французской философии XIX века".
